Клименко Владимир

28.11.01

Культура. – 2001. – 22–28 нояб. – с. 9

ВЛАДИМИР КЛИМЕНКО:

Ко мне еще придет искусственный интеллект

Режиссер Владимир КЛИМЕНКО, именуемый в театральной практике Климом, известен как последовательный экспериментатор. Последняя по времени его постановка "Альцест" (текст самого Клима по мотивам пьесы Мольера "Мизантроп") показана только что в рамках фестиваля NET (Новый Европейский Театр). Сегодня он делится своими размышлениями о настоящем и будущем нашего театрального искусства.

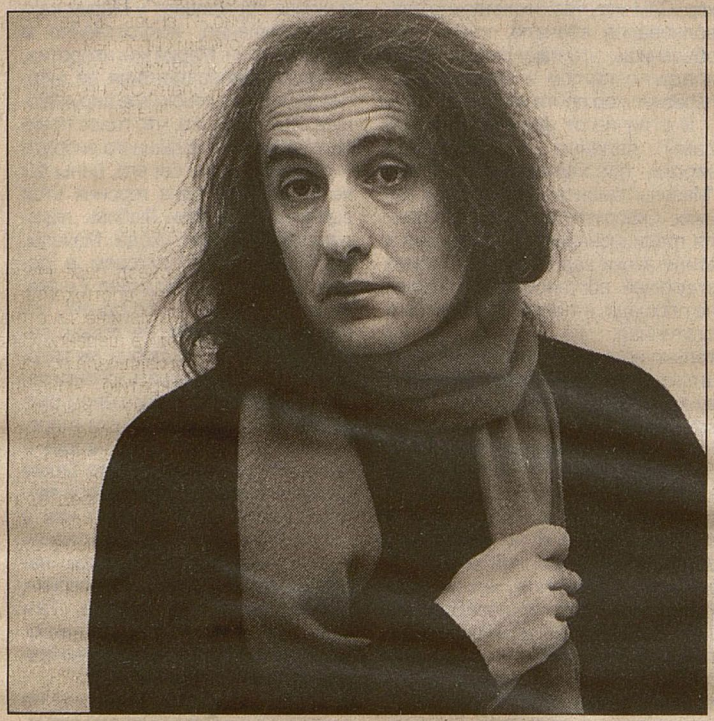

Фото М. ГУТЕРМАНА

– Говорят, в человеке существует три основных инстинкта: инстинкт познания, наиболее заметно проявляющийся у детей, инстинкт продолжения рода, свойственный человеку, понимающему, что он не вечен, и инстинкт самосохранения. Мне кажется, что театр – это реализация инстинкта познания. А отнюдь не чье-то самовыражение. И то, что искусство перестало задавать вопросы, а стало только потешать – так в этом и заключается его страшная драма.

– Вы видите выход в возвращении к истокам?

– Да, и не случайно три программы прошедшей летом в Москве Всемирной театральной олимпиады: программа уличных театров, программа Анатолия Васильева и программа Центра Мейерхольда, поразному, но касались истоков театра. И, скажем, программа Васильева привлекла очень серьезных ученых, занимающихся сознанием человека. Сейчас вообще многое меняется, перестают противопоставляться наука и религия, театр обращается к фольклору, к магическим техникам, к религиозным обрядам. Все становится единым. Шаман и драматический актер – какая разница? И тот, и другой занимаются душой человека. Только шаман возвращает заблудшую душу, а театр пытается ее столкнуть в Неведомое, вывести из одеревенелости, из мертвости быта. Мне кажется, что суть одна и та же.

– А нестрашно душу в Неведомое сталкивать?

– А чего бояться? Душа бессмертна. Я вообще не понимаю, чего за душу-то беспокоиться, она же бессмертна. Вы бы за тело побеспокоились. Говорят, мол, нельзя душу продавать. Да кто же ее купит? Вы попробуйте ее еще продать. Искусство – это принципиальная продажа души за деньги. Это моя профессия, я должен это делать. Как же иначе?

– Но вы сейчас сказали это с такой жутковатой интонацией: шаман возвращает, а театр сталкивает.

– Да, да. Потому что душа увядает, когда замкнута в кругу наших ограниченных представлений. Ей становится неинтересно с нами. Что делает шаман? Он возвращает больную душу, которая покинула тело. Почему покинула? Потому что ей стало скучно. А театр, наоборот, пытается заманить душу в какое-то дальнее путешествие. Чтобы потом она вернулась и дала телу новый импульс к жизни. И вновь захотела отправиться в такое путешествие. И тем самым продлится наша жизнь. В этом и есть смысл театра. Как религия подготавливает человека к смерти – последнему его путешествию, так театр удерживает человека в жизни, пытаясь оттянуть его от этого последнего путешествия. Театр говорит: жизнь прекрасна! Надо жить, надо любить женщин – это прекрасно. Театр – это любовь.

– Вы упомянули экспериментальную программу театра Школа драматического искусства Анатолия Васильева. Она вызвала споры относительно уместности вынесения на публику религиозных обрядов.

– Знаете, я неверующий человек. Понимаете, театр – это та территория, где принципиально нельзя говорить о религии. Потому что театр ставит под сомнение любую догму. Если общество возводит религию в культ, то театр говорит: Бога нет. Если общество утверждает, что Бога нет, то театр начинает говорить: Бог есть. Театр – это принципиальная оппозиция инерции сознания. Поэтому, когда говорят, что чего-либо в театре делать нельзя, значит, именно это и нужно делать. Я занимаюсь драматическим театром – и мне кажется, он в нашей стране переживает невероятный кризис.

Хотя, судя по каким-то молодым ребятам: Васе Сенину (спектакль "Фро" на курсе Фоменко), Владу Троицкому (центр Дах в Киеве) – есть надежда. Впервые я начал видеть режиссеров, которые умеют то, чего не умели их предшественники. Появилось новое поколение, у которого хочется учиться. А у людей предыдущего поколения – не у кого и нечему. И незачем. К сожалению.

– А как вы думаете, откуда у молодых это новое понимание театра?

– Прежде всего это поколение обладает чувством времени. Театр существует только в конкретном времени. Ты слышишь, как оно течет, как оно пронизывает тебя, и ты как бы открываешь себя времени. Сейчас мир вообще совсем другой, чем даже десять лет назад, а в театральных школах актеров по-прежнему учат по системе Станиславского, тогда как на самом деле это – под дулом пистолета переписанный Шопенгауэр. Вместо того чтобы читать самого Шопенгауэра... Это же бессмысленно! Театр все еще не хочет видеть, например, реальность существования искусственного интеллекта и не хочет знать, что дети играют на компьютере, что они вообще мыслят иначе, чем мы, причем гораздо более театрально.

– То есть внедрение высоких технологий в театре неизбежно?

– Мы должны понять, что современная цивилизация не может существовать без технологий. А русский театр старается этого не замечать. Хотя именно благодаря Станиславскому в Европе начали серьезно говорить о технологии творчества, но вся остальная история за редким исключением была против. Сегодня тотальное отрицание технологии театра и всего прочего – это трагедия. Необходимо вернуться к технологичности творчества. Творчество – это наука, процесс. Нет никакой разницы между бизнесом, занятием театром, литературой, математикой – всюду одни и те же извечные принципы. Даже жизнь – это тех-но-ло-ги-я. В этом нужно отдать себе отчет. Я занимаюсь тоже в театре наукой, теорией, только в действительности намного более сложной, чем физика. Да, сейчас время компьютерного интеллекта. Я как бы нахожусь на обочине. Но искусственный интеллект еще придет ко мне – ко мне, в смысле, к людям театра, к театру – и спросит: а как это сделать? Потому что человек – это Вселенная, и единственное искусство, которое по-настоящему понимает человека – это театр.

Беседу вела
Екатерина КИСЛЯРОВА